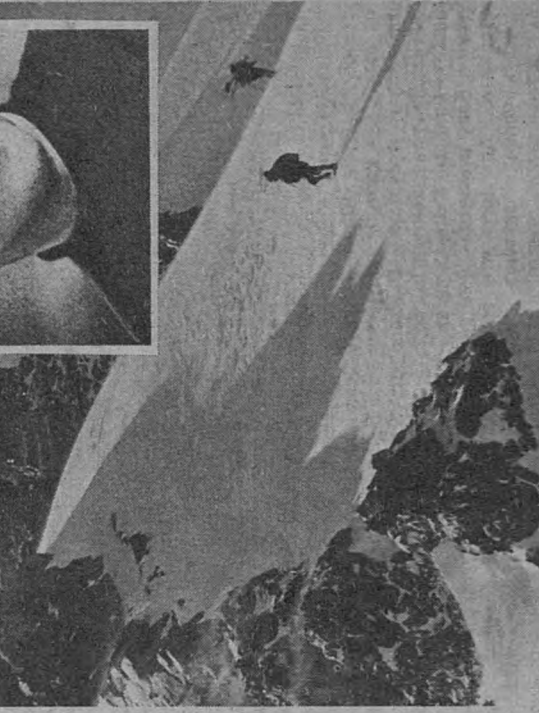

В далеком уже 1966 году мне довелось возглавлять группу альпинистов, которая принимала участие в создании художественного фильма «Вертикаль». Там мы и познакомились с Владимиром Высоцким. И сегодня я хочу рассказать о том, как была создана первая песня Высоцкого, посвященная альпинистам.

Мы сидели в автобусе и ждали, когда прилетит вертолет, который почему-то задерживался. Говорили о горах, об альпинизме. Высоцкий спросил: «Что привело тебя в горы?» Я ответил, что меня притягивает их красота. Что альпинизм заставляет переоценить все, к чему мы привыкли. А главное — риск, требующий от каждого восходителя силы, ловкости, мужества, воли. В альпинизме, как ни в каком другом виде спорта, я думаю, проявляются личные качества человека, тут быстро познаешь, кто есть кто.

Владимир Высоцкий:

ПАРНЯ В ГОРЫ ТЯНИ—РИСКНИ...

И я рассказал ему одну историю, которая произошла с группой альпинистов на Суганском хребте, на Кавказе. Мы совершали тренировочное восхождение на вершину Дошаха. При прохождении трудных и опасных участков наиболее сложная задача ложится на ведущего — он идет с нижней страховкой, а это намного опасней, чем с верхней. В нашей группе было шесть человек, и чтобы не было трех идущих с нижней страховкой, как это бывает, если группа движется связками по два человека, мы решили соединить все три двойки в одну связку. При таком варианте только один я, руководитель, шел с нижней страховкой.

Ледовый склон высотой около 150 метров мне удалось пройти довольно быстро. Через каждые 15—20 метров забивал ледовые крючья для страховки, шел вверх и с наибольшим уходом вправо. Выйдя под скальную стену, привалил к себе идущего второго Ласкина. Снял кошки и сразу же пошел дальше по скальной стене, зная, что за спиной у меня опытный партнер, с которым мы ходили на вершины высшей категории трудности. Третьим, за Ласкиным, шел Слава Морозов, он находился в начале скальной стены вместе с Реной Ивановой, которая страховала идущего по ледовому склону Наума Гутмана, а замыкающий шестерку Леша Конратьев находился ниже. Я поднялся метров на 15, не забив ни одного страховочного крюка — не было подходящих трещин.

Пройдя еще несколько метров вверх, услышал ужасающий крик. Взглянув вниз, увидел, что верхняя часть скального выступа, монолит, на котором держалась вся наша страховка, медленно отходит от стены. Кричал Ласкин. Меня охватила паника. Досада — Ласкин стоял рядом с этим отходящим монолитом, но не сбросил с него веревочную петлю, хотя у него было на это вполне достаточно времени. И из-за этого так нелепо, без борьбы надо погибать!

Когда веревка между Ласкиным и выступом натянулась, она с силой сорвала моего партнера. Пролетев метров десять, он сорвал меня. Веревка выстрелила мною, как катапульта, и это дало мне шанс на спасение.

Пролетев в свободном падении около 120 метров, я упал на ледовый склон. В этот момент у меня появились надежда остаться живым. Жизнь остальных висела на волоске. Сколько по склону, мы проползли почти с такой же скоростью падать вниз, только сильные толчки от срыва Лавы и Рены замедлили наше падение. Потом было еще несколько рывков — это, не выдержав нагрузки, вылетели ледовые крючья, но они все же сделали свое дело, погасили скорость. Все, кроме меня и Ласкина, были в кошках, а из-за этого падение намного опасней: они временами впились зубьями в лед и опрокидывали, кувыркались, разворачивали, били тело о скалы. Последним сорвался Гутман, когда он отошел на несколько метров от очередной страховоч-

ной точки, на которой оборвалась веревка. Я этого еще не знал. А падение все продолжалось. В нижней части ледовый склон имел длинную горизонтальную трещину с нависающим карнизом, благодаря ему мы довольно удачно перелезали через трещину. Ниже склон постепенно становился пологим и переходил в снежный. На нем было не сколько ледовых глыб-сераяков, за одну из них наши веревки зацепились, опоясав ее с двух сторон, и остановили наше падение.

Последний рывок был настолько сильным, что в течение нескольких минут я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Постепенно дыхание восстанавлилось. Когда я смог подняться и оглядеться, то увидел вокруг трагическую картину, на которую, как говорится, без слез и смеха было трудно смотреть: все стояли и охали, стараясь как-то высвободиться из веревки, принять более удобное положение и выбраться из снега, в который их с силой впечатало.

Все шевелились, кроме Славы. С трудом освободившись от веревки — пальцы не работали, — я подошел к нему. Слава лежал на спине, головой вниз, стекла очков были разбиты. Я приподнял его за плечи, чтобы развернуть. Он приоткрыл глаза, произнес: «Ну вот и конец экспедиции». Но для меня этот голос означал не конец, а начало, надежду вернуться к жизни.

Помогая Славе и оглядывая других, обнаружил, что нас только пятеро — не хватало Лешки Конратьева. И как же полегало на душе, когда, посмотрев вверх, увидел на средине ледового склона целого и невредимого Лешу. Он стоял неподвижно, еще не осознавая, что произошло.

Я крикнул Леше, он отозвался. Переключаясь, мы договорились, что он будет спускаться на перемычку осторожно, со страховкой. Для этого у него было три ледовых крюка, несколько карабинов и 13-метровая веревка. Переговорив с ним, мы с Наумом осмотрели Рену и оказали ей посильную помощь. У нее была рваная рана на голове, несколько глубоких ушибов, разодрана кисть руки. У Ласкина внешне все было в порядке, он почти нормально двигался, но заговариваясь, речь его стала бессвязной.

Сильнее всех пострадал Слава. Его надо было транспортировать. У Гутмана повреждены были обе ноги, но он, превозмогая боль, с трудом передвигался. Из него и меня получились один вполне работоспособный человек. Чуть выше ледовой глыбы мы вдвоем разорвали площадку и уложили на ней палатку. Уложили в нее Славу и остальных. Наум разжег примус и занялся приготовлением чая. Я же решил попытаться выйти на перемычку: надо было срочно сообщить в базовый лагерь о случившемся.

Оценив обстановку, мы решили, что Алексей отправится в базовый лагерь и вернется с подмогой.

К вечеру пришли спасатели. На этом я и закончил рассказ.

После продолжительной паузы Володя спросил: «А что было со Славой?» Я ответил, что серьезные повреждения у него не оказалось, он быстро поправился и через месяц уже работал инструктором альпинизма. На следующий год совершил много спортивных восхождений. А еще через год, в 1957 году, Слава Морозов погиб в горах.

Вертолет в тот день так и не прилетел. На завтра утром ко мне в номер гостицы пришел радостно возбужденный Высоцкий и сказал: «Давай быстрей спускайся к нам». Он жил в одном номере с режиссером фильма «Вертикаль» Станиславом Говорухиным, друмя этажом ниже. Я пришел и сел в кресло, где всегда сидел, бывая у них, и стал с воодушевлением ждать, что будет дальше. В руках у Володи была гитара. Он сел на кровать. Нас разделял журнальный столик, на котором лежал мелко исписанный листок. Высоцкий сидел и смотрел на меня, слетка притгиваясь к гитаре.

В этот момент мне казалось, что он внутренне готовится к прыжку. И наконец, ударив по струнам, он запел:

Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг, а так,
Если сразу не разберешь,
Плох он или хорош.

Парня в горы тяни — рискни,
Не бросай одного его,
Пусть он в связке в одной
с тобой —

Там поймешь, кто такой.
Володя пел, не глядя на листок с текстом.

Если парень в горах — не ах,
Если сразу раскис — и вниз,
Шаг ступил на ледник

Оступился — и в крик, —
Значит, рядом с тобой

— чужой.
Ты его не брани — гони.
Вверх таких не берут, и тут
Про таких не поют.

Я слушал, как заворожеными. Передо мною проходили образы моих друзей, с которыми брал вершины, делил хлеб и табак, и образы тех, кто был случайным попутчиком. А Володя продолжал петь:

Если ж он не скулил, не ныл,
Пусть он хмур был и зол,

А когда ты упал со скал,
Он стонал, но держал.

Если шел он с тобой
— как в бой,

На вершине стоял —
хмельной, —

Значит, как на себя самого
Положись на него!

Я знал о высокоом даре Высоцкого, но, слушая его, был совершенно поражен. За одну ночь он создал песню, которую поют до сих пор и, думаю, еще долго будут петь. Володя встал. Я тоже. «Ты будешь соавтором», — сказал мне. Я наотрез отказался, ответил, что и так бесконечно рад, что своим рассказом помог создать такую прекрасную песню об альпинистах.

«Владимир Высоцкий шел своей трудной, рискованной дорогой и не искал обходных дорог, он выбрал путь, опасный, как военная тропа». И я горжусь тем, что имел счастье подписывать его удостоверение и вручать ему знак «Альпинист СССР».

Леонид ЕЛИСЕЕВ.